

18+

Валерий Ковалев

ПО ВОЛНАМ ПАМЯТИ

Валерий Ковалев
По волнам памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ковалев В. Н.

По волнам памяти / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Детство, юность, зрелость. Дальние дороги и странствия , путевые зарисовки, эссе.

© Ковалев В. Н., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Валерий Ковалев По волнам памяти

Ветер ли старое имя развеял?

Нет мне дороги в мой брошенный край...

Если увидеть пытаешься издали, -

Не разглядишь меня...

Друг мой,

Прощай!

(Рабиндранат Тагор «Последняя поэма»)

Как прекрасен этот мир

Сажу на куче песка во дворе и, сопя, рою пальцами яму. На дворе жарко, но чем глубже, тем прохладнее.

– Оля-ля,– удивляюсь я, продолжая копать дальше.

Сбоку, под яблоней, лежит мой друг Дозор и, высунув язык, наблюдает. Дозор не такой как я, он большой ушастый, ходит на четырех ногах и иногда говорит «гав». Я тоже так умею.

Потом в яме начинает шевелиться песок, она обваливается, и я с удивлением таращу глаза – почему так? Не понимаю.

Дозор длинно зевает, закрывает свои, и опускает голову на лапы.

У! – недовольно говорю я, после чего на заднице съезжаю вниз.

Там встаю, поддергиваю сатиновые трусы и гляжу по сторонам, чем бы еще заняться.

Затененный деревьями, просторный двор у дома пуст (мама за ним копается в огороде), в дальнем конце лениво бродят куры с петухом. Им жарко.

Топая босыми ногами по теплой земле, я направляюсь к колонке у летней кухни, из которой тонкой струйкой льется вода, и подставляю под нее губы. Вода холодная и вкусная, мне приятно.

Потом, мазнув по лицу ладошкой, направляюсь к калитке. На улицу мне выходить нельзя, но через щели в воротах я часто ее рассматриваю. Видно немного, но все равно интересно. То пройдут какие-то незнакомые люди, то пробежит кошка или собака.

Вдруг я вижу, что запор на калитке приподнят. Недавно к нам заходила соседка и неплотно ее прикрыла. Когда ушла.

– А что если выйти? – думаю я, после чего воровато оглядываюсь.

Во дворе все то же самое: друг Дозор спит, куры с петухом ушли в сарай, мамы тоже не наблюдаются.

Я тяну кованую рукоятку на себя и выскальзываю наружу.

Затем тихо прикрываю калитку и в восторге открываю рот.

Передо мной улица. Она в два конца, длинная и широкая. По обе стороны, за высокими заборами, беленые дома, перед ними высокие, до неба, деревья.

– Ва! – восхищенно говорю я, растягивая в улыбке губы. На улице я был когда-то давно, у папки на руках, но в тот раз она была белой и холодной.

Больше никаких мыслей в голове нет, вместо них работают ноги. Они выносят меня на середину, в теплую пыль и я с удовольствием шлепаю по ней вперед, туда, куда чуть опускается дорога. По ее обочинам зеленая трава, мне хорошо и хочется шагать дальше.

Ля-ля-ля, – довольно напеваю я, размахивая в такт руками.

Потом улица заканчивается, впереди открывается бескрайняя ширь, я в нерешительности останавливаюсь и сую в рот палец.

Такого никогда не видал, даже на картинках.

С одной стороны, вдали, высоченная красная гора, над которой висят вроде как белые подушки, с другой бесконечные головы неизвестных мне цветов, очень похожих на висящее в небе солнце.

А между ними та же дорога, но без домов, ей не видно края.

Внезапно сзади слышится какой-то скрип, я оглядываюсь.

Со стороны улицы ко мне подходит какой-то дядька и останавливается.

Он высокий как папка, но с белой головой и чем – то таким же под носом.

А еще у незнакомца одна нога, вместо второй деревяшка.

– Ты чей будешь, пацан? – наклоняется он ко мне.

Я морщу лоб, вспоминая, а потом глядя снизу вверх, отвечаю «мамкин».

– А куда идешь? – следует второй вопрос.

– О! – показываю я пальцем на уходящую вдаль дорогу.

– Все ясно, – шевелит дядька белыми волосами под носом. – Давай руку.

Я протягиваю ему ладонь, он берет ее в свою, и мы скрипим дальше вместе.

Вскоре гора остается позади, дорога опускается вниз, сбоку от нее, среди деревьев, большой дом каких я никогда не видел. Перед ним много цветов и лужайка с качелями, а на открытой веранде сидят какие-то тетки.

Мой спутник толкает рукой железную калитку, и мы идем по каменной дорожке туда.

– Ваш пацан? – говорит он, когда мы поднимаемся по ступеням. – Встретил на дороге.

– Да кто его знает, может и наш, – переглядываются те. – Мы здесь второй день. Практикантки.

– Тогда забирайте, – подталкивает меня вперед дядька. – Да лучше глядите за детьми.

После чего уходит.

Затем одна тетка спрашивают, как меня зовут, и я отвечаю, – Лель. Полное имя не выговариваю.

– Ну, тогда умоемся, покушаем и отдыхать, – говорит вторая. – Все другие детки давно спят, а ты болтаешься.

– Ага, – соглашаюсь я, поскольку действительно устал и проголодался.

Далее меня умывают, кормят молочным супом и булкой с компотом, а затем отводят в большой прохладный зал, где в кроватках посапывают много таких как я. Что снова удивляет.

– Ну вот, теперь бай-бай, – укладывают меня на одну из свободных, и я довольно засыпаю.

А в это время там, откуда я ушел, ведется розыск

Закончив окучивать картошку и не обнаружив во дворе чада, мама оббежала на улице всю многочисленную родню.

В результате создается группа поиска.

Баба Степанида с тетей Соней отправляются по Луговой в сторону железнодорожного переезда, на котором, в будке, всегда имеется бдительный дежурный, а мама с бабой Варей спешат в обратную, в направлении старого террикона на окраине.

По дороге, на гроыхавшей колесами водовозке им встречается дед Передрей, знающий на поселке всех и каждого.

– Стой, Максимыч, стой! – машет руками баба Варя.

– Тпру! – натягивает тот ременные вожжи. – Здорово кума. Чего надо?

– Вы случайно тут мальчика не встречали? Конопатый такой и с чубчиком, – причитает мама.

– Конопатый, говоришь? – косится на нее дед. – Как же встречал, с час назад. Отвел его на Краснополье в садик.

– Ну, молодец, кум! – радуется бабка.

– Бывай, кума, – отвечает Передрей, и водовозка гроыхает дальше.

Чуть позже, втроем, мы возвращаемся по дороге назад.

То был мой первый выход в большой мир.

Навсегда врубился в память.

Один день лета

Мы сидим на лавке у забора, в тени шелковицы, болтаем ногами и грызем подсолнухи.

Мы – это я, а еще Сашка с Вовкой, братья, живущие в доме напротив.

Из одежды всех выцветшие сатиновые трусы, загар, да цыпки на ногах.

– Шо – то долго дед не едет, – пищит самый маленький из нас – Вовка.

– Ничо, подождем, – сплевывает на землю шелуху Сашка. Он самый старший из нас и умный. Умеет читать, а еще шевелить ушами.

Деда, которого мы ждем, зовут Передрей. У него нету одной ноги – вместо нее деревяшка.

В полдень, когда далеко в степи гудят шахты, на нашей улице появляется, пароконная повозка с бочкой. На ней дед доставляет на конный двор, что на зеленом бугре за поселком, воду.

Наконец со стороны железнодорожного переезда доносится дробный цокот копыт, а потом с асфальта на улицу въезжает знакомая повозка.

На грунтовке она замедляет ход, лошади кивают головами, а сидящий на облучке Передрей в казачьем картузе, лениво потряхивает вожжами.

– Здравствуйте, дедушка! – бодро орем мы, когда повозка с мокрой бочкой оказывается напротив.

– И вам не хворать, – доносится в ответ. – Но! – чмокает он губами.

Лошади чаще переступают ногами, колеса катятся быстрее.

– Давай, – говорит мне Сашка.

Оставив подсолнух, я вскакиваю с лавочки, догоняю пылящую впереди бочку и боком вскакиваю на торчащую сзади короткую трубу, уцепившись руками за борт.

Повозка, все убыстряясь, подскакивает на ухабах, у меня дробно клацают зубы, – ура! Еду!

Когда улица заканчивается, и лошади принимают чуть право, в сторону бугра с конюшней, я незаметно соскакиваю и мелькаю пятками назад, к приятелям.

– Ну как? – интересуется Сашка. – Дед кнута не дал?

– Не, – отвечаю я. – Он ничего не заметил.

– Завтра моя очередь, – напоминает Вовка.

– Твоя-твоя, – переглядываемся мы с Сашкой и смеемся.

Дело в том, что в прошлый раз повозку сильно потрянуло на кочке, и Вовка свалился с трубы прямо в коровью лепешку.

Чуть позже мы решаем полакомиться шелковицей, в тени которой сидим.

Она высокая, с раскидистой густой кроной, в которой довольно чирикают воробьи.

Сашка первым встает с лавки, подпрыгивает и карабкается по развилке вверх. Я лезу за ним, а вот у Вовки не получается.

– И я хочу, – ноет он, видя, как мы исчезаем в зеленой листве.

– Будет и тебе, – отвечаю я, следуя за Сашкой.

Потом мы размещаемся на облюбованных местах, и, придерживаясь одной рукой за ветки, рвем и едим черные сладкие ягоды.

– Вкусно, чавкает набитым ртом Сашка.

– Ага, – отвечаю я липкими губами, по которым течет сок. – Как сахар.

– Мне! Бросьте мне! – нудно голосит с земли Вовка.

– Не ори, дурак! Щас. – отвечаем мы и начинаем трясти дерево.

– Шу-шу-шу, – падают самые спелые шелковицы, Вовка под деревом замолкает.

Через полчаса мы спускаемся на землю и, тыча пальцами друг в друга, хохочем.

Рожи у всех фиолетовые, а у Вовки такой же даже живот. Умора!

– Надо умыться, а то родители заругают, – говорит Сашка.

После этого мы все направляемся к колонке, что под двумя старыми вербами, посередине улицы. Колонка высотой с меня и с длинной блестящей ручкой позади, на которую нужно повиснуть, чтобы пошла вода. Сначала теплая, а потом холодная.

Ополоснув липкие щеки с пальцами, а Вовке еще и живот, мы сохнем на зеленой травке у забора.

– Мальчики! Обедать! – доносятся со дворов голоса наших мам, и мы разбегаемся по домам, подкрепить силы.

Я восполняю свои тарелкой горячего борща с ржаной горбушкой (от второго отказываюсь), говорю маме «спасибо» и направляюсь в гараж, где стоит отцовский «Москвич», блестя фарами.

Там беру обод от велосипедного колеса, а к нему хитро изогнутый железный крюк, что сделал мне родитель, вслед за чем снова выхожу на улицу.

–Тэ-экс, – говорю сам себе, цепляя за обод крюк, а затем толкаю устройство вперед, и быстро перебираю ногами.

С бряком и звоном оно катится вперед, я радостно мчусь следом.

Чуть позже ко мне присоединяются Сашка со своим, и мы носимся наперегонки. Кто быстрее.

Вовке катать не даем. Прошлый раз он упал и разбил нос, всполошив ревом всех соседей.

Устав, мы снова усаживаемся на лавку и довольно болтаем ногами.

– А давайте пойдем на водокачку, – внезапно говорит Сашка. – Искупнемся.

Предложение тут же принимается, мы прячем обода с крючками в кустах и отправляемся по тропинке, что за крайним домом, в степь. Что начинается сразу за нашей улицей.

Она уходит к далекому горизонту, у которого висят белые облака и синеют балки.

Сашка говорит, что там край земли. Наверное, так. Он много чего знает.

По обеим сторонам тропинки волнами серебрится ковыль, среди которого алеют россыпи полевых маков.

Над степью в небе кувыркается жаворонок, и мы слушаем его песню.

Вскоре тропинка пересекается грунтовой дорогой, ведущей неизвестно куда, а за ней виднеется высокий зеленый холм водокачки. На нем беленый куб с плоской крышей, вокруг плодовые деревья и ограда из колючей проволоки. Рядом, на склоне, белый домик смотрителя.

Мы принимаем чуть вправо, обходим проволоку стороной и оказываемся перед небольшим мелким водоемом.

С трех сторон он порос высоким камышом, в котором квакают лягушки а та, куда мы идем, песчаная.

–Уф, – усаживаемся мы на теплый песок, и все обзреваем.

По водной глади бегают плавунцы, у самой кромки заметна стайка малявок.

– Ну шо, пацаны, айда? – встает первым Сашка.

– Айда, – говорю я, и, разбежавшись, плюхаюсь животом вводу.

Во все стороны летят брызги, плавунцы с малявками исчезают.

Ура! – вопит Сашка и сигает вслед за мной, а Вовка опасливо входит по щиколотки. Молотя ногами и отплеываясь, мы с Сашкой плаваем у берега по собачьи, Вовка хлопает ладошками по воде и хохочет, потом загорает на песке и снова купаемся.

Когда губы у всех троих синеют, а на коже высыпают мурашки, сидя на берегу обсыхаем. Солнце, между тем, клонится к Мазуровской балке, откуда пастух по дороге гонит стадо коров. Те лениво переступают ногами и жуют жвачку.

– И нам пора, – говорит Сашка, вслед за чем мы гуськом идем той же тропинкой домой. Среди тишины и трав, в которых начинают стрекотать кузнечики.

КВН

На улице летний вечер.

Из степи давно пригнали стадо коров, на уличной дороге осела пыль, из палисадников домов повеяло ароматом ночной фиалки.

Сашка, Вовка и я сидим на лавке. Все умытые, в чистых рубашках и коротких штанах. На ногах сандалии.

– Ну, когда уже? – зудит Вовка.

– Терпи, – говорю я. – А то нас вообще не пустят. Вовка замолкает.

Сегодня на улице у нас будет кино. У моего деда Егора, чей дом под высокими акациями, напротив.

Дедов у меня целых три. Левка, Никита и Егор. Почему так, не знаю. У всех знакомых пацанов, по одному или два. А тут вон сколько.

Кино деду привезли утром на синей «Побед», два молодых дядьки, в картонной коробке. Баба Мотя рассказала, что это подарок от какого-то горкома, потому как дед Егор орденосец и почетный гражданин города.

В Гражданскую войну он оборонял от беляков окрестные шахты, а потом ударно давал стране угля, за что получил орден Трудового Красного Знамени.

Орден я как-то видал, дед давал подержать в руках, а потом спрятал. Чтобы унучок «не приделал ноги».

Еще у деда есть кавалерийский карабин, висящий в коридоре на стене, но его он мне не давал. Сказал, – всему свое время.

Наконец к дому напротив начинает стягиваться родня. Другие деды с бабками, дяди с женами и отец с мамой.

Чинно и не спеша они исчезают за высокими воротами, откуда проходят в дом. Мы незаметно шмыгаем следом.

Из застекленной веранды с геранями попадаем в темный коридор, оттуда на кухню, а из нее в просторную, с тремя окнами, горницу.

Вдоль нее у стен – на диване, стульях и табуретках уже сидят, тихо переговариваясь, взрослые.

Мы устраиваемся на крашеном полу сбоку в углу и палимся на стоящий в другом конце горницы на комод, ящик.

Он небольшой, отсвечивает лаком, со стеклянным окошком впереди и черными, по бокам, рукоятками. Сашка и я уже знаем, что ящик зовется телевизором, но как он делает кино, не понимаем.

– Ну, давай, Виктор, начинай, – разгладив усы, говорит дед Егор, стоящему у комода одному из моих дядей.

– Даю, батя, – отвечает тот, кивая курчавым чубом.

Затем щелкает крайней рукояткой, окошко загорается матовым светом, а потом оттуда выплывает молодое женское лицо, шевелящее губами.

– Вот это да, – шепчет мне Сашка. – Как живая.

Дядя, между тем, чуть вращает вторую, и горницу заполняет мелодичный голос.

– ... а теперь вашему вниманию предлагается художественный фильм «Чапаев», - певуче говорит тетка из окошка.

Вслед за этим исчезает, а вместо нее возникают буквы и музыка.

Буквы ползут вниз и меняются, музыка затихает, и теперь по степи со звоном несется тачанка.

– Ух ты, – переглядываемся мы и замираем.

Тачанка пронесется к реке, от которой убегают солдаты, и встает у тех на пути.

– Стой! Куда?! – грозно встает на ней усатый, в папахе дядька.

– Василий Иваныч, чехи с хутора выбили, – отвечает один

– А винтовка твоя где?

– Там.

– Айда! – и все бегут за тачанкой назад. Только пятки сверкают.

Мы заворуженно глядим в окошко, взрослые тоже.

Все время, пока идет кино, в горнице тишина, публика внимает.

Когда же оно заканчивается, женщины утирают платочками глаза, а мужчины хмурятся и крикают.

Нам тоже жаль Василия Ивановича.

Потом в окошке возникает круг с квадратами по сторонам, дядя Витя говорит «все», щелкая рукояткой, после чего окошко гаснет.

Все не торопясь выходят из дома во двор, мы последние.

Над головами мерцают россыпи звезд, где-то в садах цокает соловей, вкусно пахнет сиренью.

Женщины расходятся по домам, а мужчины усаживаются на крыльцо и длинную скамейку у веранды.

После чего все закуривают, несколько минут молчат, а затем обсуждают фильм. И одного из его героев – Еланя.

Оказывается после Гражданской войны, он жил в нашем поселке. Который зовется Рудник Краснополье.

– Геройский, Павло был человек, – говорит, пуская вверх дым, дед Егор.

– Это да, – соглашается дед Левка. – Теперь таких нету.

Дед Никита, задумавшись, молчит. В Гражданскую он был кавалеристом.

Чуть позже, я возвращаюсь с отцом домой.

Под впечатлением от просмотра.

С тех пор прошло много лет.

Но хорошо помню тот первый «КВН» и увиденный по нему фильм. На улице моего детства.

Первый раз

Погожее сентябрьское утро, рассеянные лучи солнца сквозь садовую листву, росчерки перистых облаков в высоком небе.

Стою во дворе и жду маму.

На мне военного образца фуражка с лаковым козырьком, стального цвета гимнастерка и отутюженные штаны, на ногах черные ботинки. А в руке дерматиновый портфель. Там букварь, карандаши, счетные палочки и тетрадки.

Рядом, сидит друг Дозор, и все это с интересом рассматривает.

Меня сейчас поведут в школу, а его нет. Собакам учиться не положено.

Затем на крыльце появляется мама, в красивом бордовом платье и с букетов георгинов в руках, спускается по ступеням.

– Ну что, пойдём сынок?

– Ага, – говорю я, после чего Дозор остается во дворе, а мы выходим за ворота.

Вдоль них длинная, в два конца улица, с высокими деревьями у заборов.

Со стороны перекрестка к нам приближается тетя Соня, ведущая за руку моего двоюродного брата Юрца, обряженного в школьную форму. У них тоже цветы и портфель. Мы с братом вместе будем учиться в первом классе.

Затем мамы приветствуют друг друга, Я и Юрец солидно киваем друг другу, после чего идем вчетвером вдоль улицы, в сторону синеющего вдали террикона.

Вскоре улица кончается, выходим на околицу, справа за которой конный двор, а впереди первые дома поселка Краснополье.

Он примыкает к городской окраине, на которой мы живем, там же находится и школа.

Когда-то в ней учились мамы и отцы, а теперь пришло наше время.

Поселок открывается в обширной низине, с многочисленными улицами, затененными садами, в центре его белый клуб с почтой, несколько магазинов и школа.

Она в длинном одноэтажном здании с большими окнами, просторным зеленым двором с клумбами и примыкающим к нему справа сквером.

Двор перед школой пестрит многочисленными детьми с родителями, на крыльце стоят несколько строгого вида теток, а из репродуктора над ним, бодро звучит песня

Всё выше, выше и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!

Мы вливаемся в праздничную толпу, мама с тетей обмениваются «здрасьте» со знакомыми, а мы с Юрцом рассматриваем сверстников.

Все они поселковые, никого из ребят мы не знаем.

Потом в репродукторе что-то щелкает, он замолкает, и одна их теток на крыльце призывает всех ко вниманию.

Для начала она поздравляет школьников с началом нового учебного года (родители громко хлопают в ладоши), а затем приглашает первоклашек занять места перед крыльцом.

Таких набирается человек тридцать, нас выстраивают с букетами у него в два ряда, а потом откуда-то возникает старшекласник в красном галстуке с маленькой девочкой на плече, и та громко звонит в колокольчик с деревянной ручкой.

Родители умиляются и снова хлопают в ладоши, а пара проходит перед нами.

Стоящий позади чубатый пацан отпихивает меня, чтобы лучше видеть, а я в свою очередь толкаю его. На нас шикают.

Торжественная часть завершается вручением цветов спустившимся с крыльца учителям, после чего родители остаются снаружи а учеников разводят по классам.

Наш в дальнем конце высокого длинного коридора, просторный и с четырьмя большими окнами. В нем три ряда зеленых парт, перед которыми стол со стулом, а за ними на стене, большая черная доска, рядом с которой тумбочка.

Затем сопровождающая нас молодая женщина в белой блузке и длинной расклешенной юбке, рассаживает всех ребят по партам.

Мы с Юрцом хотим вместе, на заднюю, не получается. Меня с девчонкой в белом фартучке, украшенной двумя бантами, она усаживает на одну из передних парт, братан, с еще одной, оказывается у окна, на третьей.

– Итак, ребята, будем знакомиться, – говорит, закончив процесс, учительница. – Меня зовут Лилия Иосифовна Достлева. Я ваш классный руководитель. Буду учить чтению, письму и счету. А теперь узнаю кто вы. Кого буду называть, нужно встать и ответить «я». Понятно?

– Поня-ятно, – тянут несколько голосов, а потом сзади что-то падает.

– В чем дело? – глядит туда классный руководитель. И мы тоже поворачиваем головы.

– Он дернул меня за косу, – басит с предпоследней парты длинная рыжая девчонка. А я дала ему сдачи.

– Как твоя фамилия, мальчик? – задает вопрос учительница, поднимающемуся с прохода, расстроенному пацану.

– Равлик, – сопит тот. – Я больше не буду.

– Сядь на место и больше так не делай.

Пацан усаживается, а Лилия Иосифовна, берет лежащий на столе журнал и зачитывает по нему фамилии.

Первым встает Юрец – его фамилия Ануфриев, и так до последней буквы алфавита.

Когда знакомство заканчивается, учительница присаживается на стул и предлагает всем достать из портфелей буквари, что все тут же исполняют.

– По ним я буду учить вас читать, – говорит она. – А может кто-то уже умеет?

– Я могу! – пищит сидящая рядом со мной девчонка, «я, и я тоже» раздаются еще несколько голосов.

– Похвально, – кивает Лилия Иосифовна.

Читать я тоже могу, но молчу. Чего зря хвастать?

Затем она предлагает нам достать тетрадки и разъясняет, что в тех, что в линию, мы будем писать буквы и слова, а которые в клетку – цифры.

Далее наступает очередь счетных палочек, и когда я достаю из портфеля свои, они рассыпаются, а я лезу под парту.

– Это кто у нас? – интересуется учительница, когда сопя, появляюсь снова.

Я называюсь и получаю замечание. Оказывается на все в классе нужно спрашивать разрешение. Для чего следует поднимать руку.

Когда ознакомление с наличием у всех школьных принадлежностей заканчивается, классный руководитель знакомит нас с правилами поведения в школе, распорядком и другими нужными вещами.

А спустя некоторое время из коридора доносится звонок, и Лилия Иосифовна сообщает, что наш первый урок закончен, можно расходиться по домам, а завтра в восемь утра, всем быть в классе.

Когда в числе других первоклашек, мы с Юрцом выходим на зеленый двор, сзади меня окликают «эй пацан!» Оборачиваюсь – сзади стоит чубатый.

– Чего надо?

– Стыкнемся?

– Давай.

Вслед за этим, бросив портфели на траву, мы с ним начинаем драться. А когда, сцепившись, падаем на землю, откуда-то возникает взрослый дядька и нас растаскивает.

– Драться в школе нельзя, – говорит он. – Понятно?

– Ага, – бурчим мы с чубатым.

Чуть позже, мы с Юрцом идем по знакомой дороге домой, размахивая портфелями.

– А ничего в школе, интересно, – говорит он.

– Ну да, – отвечаю я. – Жаль только, нельзя лазать под парты и драться.

Поземка

Позднее утро, зима, в доме потрескивает печь, на стене кошачьими глазами водят по сторонам ходики.

Мама в зале что-то вышивает на пяльцах, маленькая сестренка спит в спальне в своей кровати.

У меня грипп, и я третий день не хожу в школу.

Сажу в соседней комнате на стуле, и смотрю в окно, выходящее на зады усадьбы.

Там дрожат ветками голые деревья сада, и белеет волнистыми сугробами огород, за забором которого автомобильная трасса, с летящей по ней поземкой.

Она ведет из центра мимо нашей улицы в заснеженную степь, а куда дальше, я не знаю.

Примерно с час назад, на перекрестке трассы остановился трехосный, с брезентовым тентом грузовик, откуда вниз прыгнул солдат и встал на обочине.

На нем были шапка – ушанка, песочного цвета бушлат, на ногах кирзовые сапоги.

За плечами висел автомат, а в руках солдат держал красные флажки.

Потом грузовик уехал, а я сразу же побежал на кухню и сообщил об увиденном отцу, растоплявшему на кухне печку.

Он вместе со мной прошел в комнату, к окну, поглядел туда и сказал, – это, сынок, военный регулировщик.

– В смысле? – не понял я.

– По-видимому, скоро мимо пройдет армейская колонна, а боец флажками укажет ей дальнейший путь следования.

– Они едут на войну?

– Нет, – чуть улыбнулся отец. – Скорее всего, на учения.

Потом мама приготовила завтрак (все поели), отец ушел чистить во дворе снег, а я снова устроился на прежнем месте, в ожидании колонны. Шло время, она не появлялась, солдат стал явно мерзнуть.

Он опустил уши шапки, часто хлопал руками по бокам и пристукивал сапогами.

– Ну, как, все стоит? – спросил, вернувшись со двора, пахнувший морозом, отец.

– Ага, – ответил я. – А колонны нету.

Не раздеваясь, отец прошел ко мне, с минуту глядел в стекло, а потом, снова вышел.

Вскоре он стоял рядом с бойцом, они о чем-то поговорили и направились к нашему дому.

Затем на веранде хлопнула дверь, за ней вторая и на кухне, в облаках пара, появились отец с солдатом.

– Надя! – позвал отец маму.

Чуть позже, сняв шапку и поставив рядом в угол автомат, русоголовый солдат с аппетитом уплетал за кухонным столом, жареную картошку на сале.

Мне же было поручено смотреть в окно и предупредить о появлении колонны. Трасса оставалась пустынной, мама налила гостю чаю, а к нему наложила в блюдо вишневого варенья.

После чего ушла в зал, где снова занялась вышиванием.

Все это время я одним глазом смотрел на трассу, а вторым на автомат. Никогда такого не видел.

Те, что показывали в военных фильмах, были с куцыми дырчатыми стволами и круглыми дисками, а этот совсем другой. Похожий на игрушку.

– Что, нравится? – перехватил мой взгляд, солдат, прихлебывая горячий чай из чашки. – Можешь потрогать.

Я слез со стула и, пройдя на кухню, осторожно коснулся автомата. Он был холодный, чуть пах смазкой и с мелкими каплями на металле.

– Так, спасибо вам за все, – поднялся со стула гость.

Затем он протянул мне руку «дай пять пацан», и я шлепнул в нее ладошкой.

После солдат поправил торчащие за голенищем флажки, натянул на голову шапку, схватил свой автомат, и они с отцом вышли.

Через несколько минут, он вновь стоял на перекрестке, а вскоре со стороны центра подошла колонна.

Впереди рулил зеленый «бобик», за ним десяток, с брезентовыми тентами таких же грузовиков, к которым были прицеплены с длинными стволами пушки.

Наш солдат выбросил одну руку с трепещущим флажком вперед, а вторую вскинул над головой.

Колонна, урча моторами, медленно потянулась в сторону заснеженной степи.

Миновав перекресток, последняя из машин на несколько секунд остановилась, из-под тента высунулась рука, боец влез в кузов, и автомобиль снова тронулся.

– Пап, а пап, – обернулся я от окна, к стоявшему рядом отцу, когда трасса опустела, и машины скрыла летевшая вслед поземка. – У тебя на войне были такие пушки?

– Это гаубицы, сынок, – ответил он. – Мои были калибром меньше.

Мороз и солнце

Выйдя за ворота с лыжами и палками в руках, я, паря ртом, оглядываю пустынную, с сугробами вдоль заборов, улицу, и поглубже натягиваю на голову шапку.

Сегодня в школу идти не надо. На улице мороз за двадцать, занятия отменены, и я радуюсь.

Улица – не школа, ее никто не отменял, а потому нужно подышать свежим воздухом.

Воткнув палки в снег, я кладу лыжи рядом стягиваю с руки варежку и, сунув в рот два пальца, издаю резкий свист.

С высокого тополя на углу, срывается стая дремавших там галок и с карканьем уносится в небо.

Из двора напротив тут же раздается ответный, потом открывается одна из створок ворот, и наружу выходят мои друзья, Сашка с Вовкой. Оба тепло одеты, в руках палки с лыжами.

Сашка учится в пятом классе, я в четвертом, а Вовка второклашка.

Прошлым вечером мы договорились с утра отправиться на Буровую.

Буровая – это степной курган в паре километрах от городской окраины, с которого можно с ветерком скатиться вниз. Что нам весьма нравится.

– Ну как, пацаны? – вопрошаю я через дорогу. – Готовы?

– А то! – отвечает Сашка, Вовка молча кивает.

Затем мы прилаживаем к ногам лыжи с ременными креплениями, берем в руки палки и выбираемся на проезжую часть. Ее после снегопадов регулярно чистит трактор.

У крайнего справа дома, пересекаем отвал, за которым сбоку уходящей в степь трассы, виднеется наезженная лыжня. Ее проложили солдаты.

Сразу за нашей улицей военная часть. Охраняющая лагерь строгого режима.

Летом, по утрам, солдаты бегут трехкилометровый кросс, в направлении Буровой, а зимой, обычно по субботам, такой же, но на лыжах.

Вот они и накатали след, на который мы быстро выбираемся.

Лыжи отлично скользят, впереди Сашка, я за ним, Вовка замыкающий.

Когда наша улица, с поднимающимися вверх белыми столбами дыма над крышами остается позади, мы прибавляем ходу и, сопя носами, вразмашку машем палками.

Вскоре Вовка отстает, а мы с Сашкой мчимся наперегонки.

Примерно через километр останавливаемся у заснеженной воронки, откуда торчит здоровенный куст шиповника, стягиваем с рук варежки и лакомимся его ягодами, выплевывая изо рта косточки.

Чуть позже к нам присоединяется Вовка.

Погода, между тем, на глазах меняется: небо становится ясней и выше, в нем проглядывает серебристый диск солнца.

– А мороз – то, того, вроде отпускает, – говорю я.

– Ну да, – щурится вверх Сашка. – Едем дальше.

Он первым берет в руки палки, сходит с наезженной колеи в пушистый снег, и торит дорогу в сторону виднеющегося впереди кургана.

Мы с Вовкой скрипим лыжами за ним, продвижение замедляется.

Но вот и конечная цель, останавливаемся у подножия. Осматриваемся.

Курган в десяток метров высотой, с железной треногой на верхушке, слева пологий, уходящий вдаль, склон, переходящий в заснеженную равнину.

Посередине ее школьный сад, с заиндевелыми деревьями, за ним просматривается одинокий хутор. С его островерхих крыш в небо тоже поднимаются дымки. Как на нашей улице.

– Ну что, айда наверх? – оборачивается к нам Сашка.

– Айда, – отвечаю я, и мы, раскорячив лыжи углом, взбираемся на курган.

Оттуда обзор еще шире.

Метрах в двухстах за ним высится массив водокачки и домик смотрителя, а вдали чуть просматривается Мазуровская балка.

Я первый, – говорит Сашка, поправив крепления, вслед за чем отталкивается палками и, пригнувшись, несется по склону вниз. В сторону сада. За ним поднимается снежная пороша.

Через пару сотен метров движение замедляется, Сашка останавливается и машет нам рукой, – давай следующий!

Я ступаю в оставленный им след, и тоже мчусь вниз, в ушах свистит ветер. Лыжня удлиняется еще, последним съезжает Вовка.

Около часа мы поочередно скатываемся вниз, хохоча от избытка ощущений.

К этому располагает и ставшее голубым небо, с висящим в нем солнцем, нестерпимый блеск снега, а также пахнущий антоновкой воздух.

– А может мотнемся на Кухарев бугор? – предлагает после очередного спуска Сашка.

– Мотнемся, – соглашаемся мы с Вовкой.

Снова выстроившись по ранжиру, скрипим лыжами по белой целине в сторону школьного сада.

Первые деревья в нем сажали еще наши деды с бабушками, потом родители, а прошлой весной и мы. Вроде как традиция. Сад будь здоров, несколько гектаров, летом и осенью в нем полно яблок с грушами и слив, которыми все лакомятся.

Миновав сад, принимаем чуть вправо и, минуя опушенные инеем кусты терна, в которых прыгают синицы, спугиваем зайца.

Он выскакивает из-под ног Сашки и в снежной пороше катится в сторону Мазуровской балки.

– Улю-лю! – вопим мы вслед ушастому, а когда он исчезает, двигаем дальше.

Спустя полчаса достигаем бугра, который с нашей стороны является фактически плоскогорьем. А вот с другой, за ним, уходящая далеко вниз, обширная пологая долина. Слева, в туманной дымке, на ее склоне просматриваются окраинные поселковые дома, а справа каменное, с выходами плитняка, глубокое ущелье.

Мы берем курс к центру и вскоре останавливаемся на склоне.

Там несколько минут осматриваемся, прикидывая, где удобней спуск, затем Сашка отталкивается палками и, пригибаясь, несется вниз.

– Ш-ш-ш, – искрится за ним снежная пыль.

Подождав, когда он спустится, я поправляю шапку и делаю шаг вперед. В ушах свистит ветер, – хорошо! Ощущение полета.

Через несколько минут, заложив вираж, я встаю рядом с Сашкой, и мы машем руками Вовке.

– Давай, спускайся!

Тот машет в ответ, примеряется и тоже несется вниз, но в самом конце спуска падает.

– Га-га-га! – весело хохочем мы, после чего извлекаем мелкого из снега и отряхиваем.

– На кочку попал, – бурчит он.

– Бывает.

Затем, растопырив лыжи «елочкой», мы, сопя, поднимаемся вверх. А оттуда опять летим вниз. С замиранием сердца и криками восторга.

Когда солнце начинает клониться к западу, возвращаемся назад. Усталые, но довольные.

– Хорошо бы и завтра такой мороз, – говорю я.

– Это да, – отвечает Сашка.

Ножички

Когда я учился в младших классах, у пацанов в моде была игра в ножички.

Имелись они у всех, как правило, перочинные.

Соперники очерчивали на земле круг, поперек проводили черту: одна часть твоя, вторая моя и по очереди металы в чужую.

Если нож втыкался, «отрезали» себе часть, и так до тех пор, пока у соперника оставалось земли с Гулькин нос. То считалось победой.

Ножиками мы гордились и мечтали иметь финки.

Что было неудивительно. В городе, а точнее на его окраине имелся лагерь строгого режима, а в соседнем Перевальском районе второй – общего.

Часть освобождавшихся оттуда, оседали в наших местах и устраивались работать на шахты. Заработки там были будь здоров, особенно на молотковых лавах.

Ну и естественно, привносили с собой, блатную романтику. На которую так падки пацаны: особый говор, показной шик и повадки.

У них мы научились играть в очко*, делать в драке козу*, а еще узнали, что лучший друг – финка.

Ну, и естественно, захотели такие иметь.

А как? Бывшие сидельцы научили.

Надо было купить десяток пачек чаю, подобраться в удобном месте к лагерной ограде и метнуть в рабочую зону посылку с запиской: «меняю на перо*». На следующий день или чуть позже, в то же место прилетала обратная, с товаром.

У некоторых старших ребят финки уже были. Теперь мы знали, откуда.

– Ну шо, пацаны, рискнем? – сказал мой близкий друг Женька Цивенко, мне и Кольке Зайцеву, затягиваясь сигаретным окурком. Женька был самый старший и умный: отлично играл в жощку*, а еще мог шевелить ушами

– Рискнем – переглянулись мы. – Дай зобнуть*

Стали готовиться к операции.

Она упрощалась тем, что был июль, а одна из улиц нашего поселка, выходила огородами, к боковой ограде лагеря. В конце каждого росли кукуруза с подсолнухами, откуда можно было к ней незаметно подобраться

За пару дней насобирали по посадкам и сдали в магазин три авоськи бутылок из- под ситро и водки, закупив на полученные рубли чаю.

Пачки, вместе с запиской, поместили в старую сумку от противогаза, и одним вечером, когда в небе зажглись звезды, отправились на дело.

Со стороны степи прокрались в подсолнухи крайней усадьбы, насколько было можно, подползли к бетонной ограде. Метрах в пяти от нее, ближе к нам, имелась вторая, пониже, из колючей проволоки

Я, приподнявшись, метнул сумку и... Она зацепилась лямкой за тянувшийся по стене провод.

– У-у-у! – истошно завывло в лагере, на угловой вышке вспыхнул прожектор, а потом хлопнул выстрел и загавкали собаки

– Тикаем, пацаны, – прошипел Женька, мы раком выползли с огорода и драпанули в степь. Там отдышались за терриконом старой шахты, а когда все утихло, вернулись в поселок и разошлись не солоно хлебавши, по домам.

Но от задуманного не отказались.

Вскоре через нашу улицу стали водить на работу в карьер, (он был в Краснопольевском лесу), большую группу заключенных. Утром туда, вечером обратно. Охранял их десяток автоматчиков с собаками.

На следующий день, в том же составе, мы увязались за колонной, следуя на приличном расстоянии. Когда улица осталась позади, она, миновав центр поселка, спустилась в зеленую, с узкой речкой долину, на склонах которой рос лес, а справа, на опушке, рыжел карьер.

До войны в нем ломали песчаник на различные постройки, а потом забросили.

Перейдя по плоским замшелым валунам, бегущий поток, мы выбрались на другой берег, юркнули в лес, и по кустам пробрались к опушке.

Там влезли на раскидистый старый дуб, откуда просматривался карьер, размером с три футбольных поля.

Он был окружен высокими столбами с колючей проволокой, в которой имелись ворота (рядом будка), по углам, похожие на скворечники вышки, а внутри несколько гусеничных тракторов, автокран и бочки с горючим.

У ворот колонна встала, часть охраны поднялась на вышки, после чего створки распахнули, и она прошла внутрь.

Вскоре закипела работа: зэки махали кайлами, урчали трактора, запахло соляжкой.

Понаблюдав, спустились вниз.

– Все ясно, – цикнул слюной в траву Женька. – Когда в карьере никого не будет, проникнем внутрь и сделаем закладку.

– А как зэки ее найдут? – засомневался Колька.

– Оставим там знак – сказал я. Мелом. На том и порешили.

Еще через день, купив по прежней схеме чая, упаковали его в бумагу, перевязав шпагатом, прихватили кусок мела и вечером, когда колонна прошла обратно, потопали в карьер.

Как и ожидалось, там никого не было. Только молча стояла техника.

Проползли под проволоку, оттуда перебежали к забою и в щель меж песчаных плит, запищали сверток. А сверху намалевали стрелу, острием вниз.

Тем же макаром вернулись назад и пару дней обождали.

На третий, вечером, наведались в карьер – вместо нашего свертка в щели лежал другой, меньше.

Цапнули и скорее назад. Пролезли под колючкой, развернули в кустах, там финка. Небольшая, с острым жалом и наборной рукояткой. А на мятом куске бумаги, изнутри, написано: «еще столько чаю и будет вторая».

Эту финку взял себе Женька, а потом выменяли еще две – мне и Кольке.

Но были они у нас недолго.

Свою я вскоре променял на самопал, Женькину отобрал старший брат, а Колькину кто-то спер из портфеля в школе.

Примечания:

Очко – разновидность карточной игры.

Коза – тычек растопыренными пальцами в глаза (жарг.)

Перо – финка (жарг.)

Зобнуть – покурить (жарг.).

Ласточки

В детстве я любил следить за ласточками, которые жили в своих лепных гнездах под соломенной стрехой дедушкиной хаты. Целыми днями, с веселым писком, они носились через сад к недалекому ставку и обратно.

Как любому пацану, мне хотелось поближе рассмотреть их необычные жилища, а если повезет, то и стырить оттуда яичко.

Одним утром, кряхтя и надрываясь, я притащил из сада тяжеленную лестницу и стал пристраивать ее к беленой стене хаты.

– Не смей зорить гнезд, – послышалось сзади. Рядом стояла бабушка с подойником в руке.

– Ну, ба, я только посмотрю, – заныл я.

– Сказала, не смей, а то ластовицы хату спалят.

– Это как? – выпучил я глаза.

– Принесут горящую ветку или уголек и бросят на стреху. Они птицы умные и обид не прощают.

Бабушкиным словам я не поверил и, как оказалось, зря.

Следующей весной, в мае, когда ласточки вернулись в свои гнезда из теплых краев, одно из них оказалось занято воробьем.

На возмущенный писк хозяйки тот ответил грозным чириканьем, и возникла драка.

Закончилась она победой воробья, который клевал ласточку из гнезда и отказывался его покинуть.

Несколько минут она с товарками металась перед своим домиком, а затем вся стайка упорхнула в стреху ставка.

И стало происходить что-то, на первый взгляд, непонятное. Возвращаясь, каждая из птичек на короткий миг приникала к отверстию гнезда и вроде бы клевала его. Затем ее место занимала очередная, и так продолжалось около часа.

А когда их стремительный полет закончился, гнездо оказалось замурованным.

С тех пор прошло много лет. Давно нет бабушки, тех ласточек и гнезд.

А вот история эта в памяти осталась. Навсегда...

Южная ночь

Дивная южная ночь. На небе тысячи мерцающих звезд. Спящее в долине село в кипени вишневых садов, ленивый брех собак.

И над всем этим неповторимое шелканье соловья, где-то в балке за Донцом.

Затем скрип двери в одной из хат, всплеск света и рев пьяных голосов:

– По До-о-о-ну гуляет, ка-а-а-зак молодой!!!

А ведь как хорошо было...

Полкан

Жаркий полдень июля. На небе ни облачка. В прохладной тени старого ореха, у дощатой конуры дремлет лохматый Полкан. Изредка он приоткрывает янтарные глаза и наблюдает

за курами во дворе. Одни из них тоже застыли в полудреме, другие, распушив крылья, купаются в теплом песке у забора, а самые трудолюбивые что-то высматривают и клюют на зеленой лужайке у колодца.

Изредка одна из несущек неспешно шествует в курятник, откуда спустя какое-то время доносится радостное кудахтанье, возвещающее мир о появлении очередного яйца. Полканом оно воспринимается внешне безразлично. Он вздыхает и чуть шевелит ушами.

Но вот одна из куриц привычно направляется к его конуре. Собачьи глаза открываются, а хвост начинает дружески помахать.

Как только несущка исчезает в ней, пес вскакивает, приваливается боком к лазу конуры и грозно поглядывает по сторонам. Когда же раздастся знакомое кудахтанье, он освобождает лаз и выпускает гостью.

Затем ныряет в конуру и через секунду появляется оттуда с яйцом в зубах. Улыбаясь мохнатой мордой, бережно кладет его на землю и с наслаждением съедает.

Затем ложит голову на лапы и с вожделием смотрит на кур.

– Ну, идите же скорее, – читается в глазах.

Щедрый вечер

Сам я родом из села Лозовая Павловка, что близ Северского Донца. Оно древнее, основано еще запорожцами во времена Екатерины. От старых времен остались белокаменная церковь, малороссийская речь и непременно колядование на рождественские святки.

... Раннее погожее утро. Пахнувший антоновкой искрящийся снег, скрип колодезных журавлей на улицах и поднимающиеся высоко в небо белесые столбы дыма над соломенными крышами хат.

То там, то здесь, на сельских подворьях слышится заполошный визг свиней или крики домашней птицы, которых рачительные хозяева режут к рождеству.

Наскоро похлебав гречневой каши с молоком, мы с мамой и пятилетней сестричкой одеваемся и спешим в центр села, к дому деда, колоть кабана.

Отец ушел туда затемно – точить ножи, таскать солому и готовить кадки под сало.

Посреди обширного дедушкина двора толстый слой ржаной соломы и дубовая колода для разделки туши, с торчащими из нее ножами. Рядом о чем-то степенно беседуют и смалят сигарки отец с дядей, а у конуры гремит цепью и нетерпеливо повизгивает мой друг, лохматый овчар Додик.

– Ну вот, и помощники пришли, – появляется из сада кряжистый дед Левка, с навильником золотистой соломы, – давайте пока к бабке, в хату, мы вас покличем.

По давней традиции, женщинам и детворе присутствовать при забое возбраняется. Зато потом без нас не обойтись. Мы это знаем и чинно шествуем в хату.

В сенях стоят две липовые кадки и исходят густым паром несколько чугунов и ведер с кипятком

С порога в нос шибает ванильной сдобой квашни, над которой колдует бабушка и запахами сушеных груш из бурлящего в печи ведерного чугуна. Здесь же, на кухне, суетятся две моих тетки, а в просторной горнице, на полу, устланному домоткаными дорожками, возятся с котенком двоюродные братишка с сестренкой – двойняшки.

Нас с Лорой раздевают и отправляют к ним, а мама остается на кухне.

– Ну шо, мелюзга, не побоитесь кататься на кабане?, – спрашиваю у двойняшек.

– Не-е, – вертят они тонкими шейками, – мы уже большие.

– Побачим, – бросаю я, и, встав на цыпочки, подтягиваю гирику на звонко тикающих ходиках с бегающими кошачьими глазами на циферблате.

В прошлом году малыши разревелись, когда увидели неподвижным своего любимого ваську и наотрез отказались сидеть на нем. Отважатся ли в этом? Я с сомнением смотрю на пацанят.

– Ну и детвора пошла, всего боится.

Я, например, осенью, на спор сиганул с высоченного стога и разбил нос. И ничего, не ныл. Через несколько минут со двора доносится короткий визг и радостный вой Додика.

– Все, кончился ваш васька, – бросаю я ребятам. Те шмыгают носами и испуганно тарашат глянзеньки.

Затем мы с женщинами одеваемся и выходим из хаты.

Громадный кабан, с поникшими лопухами ушей, лежит на брюхе, утопая в соломе. А рядом невозмутимо покуривают дядя и отец, с длинным тесаком в руках.

Дедушка наклоняется, чиркает спичкой и поджигает солому.

– Непоганый кабанчик случился, – обращается он к родне.

– Как же, хлебный, пудов на десять потянет, – смеется дядя.

Я с восхищением смотрю на деда. У него всегда лучшие кабаны не только в селе, но и во всей округе.

Местные дядьки часто приглашают дедушку на ярмарку – выбрать им поросят. И тот никогда не ошибается, из них вырастают здоровенные свиньи. К тому же дед в прошлом цирковой борец и известный лошадиник. Рассказывают, по молодости ломал подковы.

Между тем, солома с треском разгорается, и двор наполняется душистым дымом. Он щиплет глаза, от кабана пышет жаром, и все отходят подальше.

Только дед с сынами остаются на месте, ворочая тушу и опаливая шетину на ней свернутыми из соломы жгутами. Когда та исчезает, они укладывают под ваську новый слой соломы и отходят в сторону.

Наступает очередь женщин. Появляются чугуны и ведра с кипятком.

Острыми ножами они тщательно скребут тушу, обильно поливая ее водой. Закопченный васька на глазах преобразается, исходит паром и становится молочно-белым.

После этого он накрывается толстым рядном, и в дело вступает детвора.

Я самостоятельно забираюсь на тушу у головы, а братишку и сестренку усаживают сзади, друг за другом. И минут пять, визжа от восторга, мы скачем на широкой кабаньей спине. Это тоже старая украинская традиция. Чтоб сало было мягче и нежней.

Затем дедушка отсекает у васьки одно из зарумянившихся ушей, режет его на кусочки, и раздает их нам. Они необычайно вкусны и душисты.

Теперь наступает самый ответственный момент – разделка туши и засолка сала.

Дед с сынами выносят из сеней кадки и остаются во дворе, а остальные, весело переговариваясь, уходят в дом.

Спустя некоторое время, на громадной чугунной сковородке в печи, брызжет соком и исходит ароматным паром «свежина», а в горнице накрывается предпраздничный завтрак.

На расшитой цветами барвинка полотняной скатерти, в центре, один из испеченных к рождеству пышных караваев, румяный и с ноздреватой корочкой, вилок моченой, снежно-белой капусты и издающие укропный запах пупырчатые огурцы, сметана и мед в веселых макитрах, а также чуть теплый узвар из сушеных груш и чернослива. А еще старинный штоф с домашней горилкой на чабреце и пузатый графинчик с вишневой наливкой.

Через час все, кроме бабушки, за столом. Раскрасневшиеся на морозе и у печи, с веселыми улыбками и добрыми глазами.

Затем появляется и она, торжественно неся перед собой объемистое блюдо с золотисто поджаренной свежиной. Оно водружается рядом с караваем.

Дедушка откашливается и берет со стола утопающий в его заскорузлой ладони стопку.

– Ну, что ж, дети, с наступающим вас светлым Рождеством...

И опрокидывает ее под усы. Его примеру следуют все взрослые.

– Эх, словно Боженька голыми ножками по жилам пробежал, – басит, выщедив горилку дядя, и все за столом смеются. Затем, на несколько минут, в доме воцаряется тишина, все степенно едят.

Мне очень нравится душистое мясо, которое по очереди накладывают себе взрослые и я стараюсь выбрать кусок побольше. Тут же получаю от деда деревянной ложкой по лбу.

– Не мельтеши, чертенья...

За столом дружный смех. Я почесываю лоб собираюсь обидеться и... тоже смеюсь.

– Эх, а пироги я так и не успела вчера испечь, с хлебом долго провозилась, – вздыхает бабушка, – в самый раз были б унучкам до узвару. Та хай соби, як увечери колядовать придете, будуть готовы. Вы ж не забудете бабу с дедом ?

– Не-е, бабуся, не забудем, – дружно тянем мы.

Через час завтрак окончен. Мужчины вновь уходят во двор, заканчивать с кабаном, а женщины быстро убирают со стола, готовясь начинать мясом колбасы и непременно в Малороссии свиной желудок, именуемый в этих местах «бог».

Нас, сонно клюющих носом от утренних впечатлений и сытной пищи, мама ведет домой.

А зимний день в разгаре. Ярко светит солнце, искрится голубым льдом замерзший Донец с заснеженными вербами на берегу, над селом плывет запашистый дымок из дворов и дымарей хат. Откуда-то с околицы доносится удалая песня

«Йихав козак за Дунай,
Казав дивчини прощай,
Повернуся я до дому,
Чэрэз тры добы...»

Дома мама заставляет нас умыться и укладывают на теплую лежанку – вздремнуть. Мы с сестренкой капризничаем – боимся проспать колядки, которых ждали целый год.

– Ничего, – успокаивает мама, – мы с отцом вернемся от дедушки и вас разбудим. Поколядуете. Целует нас и уходит...

Вечер. За разрисованным морозом окном первые звезды.

Мы с сестричкой, наряженные в праздничные одежки, сидим за столом на кухне и наблюдаем, как мама накладывает в прозрачные вазочки кутью. Именно так в наших местах называют то рождественское угощение, с которым ходят колядовать. Это сладкий вареный рис, с изюмом, украшенный поверху кусочками мармелада или разноцветными леденцами с загадочным названием момпансье.

Наполнив вазочки, мама кладет под крышку каждой по блестящей чайной ложечке и завязывает их в белые полотняные хусточки. Дымящий у печки папиросой отец, хитро поглядывает на нас и дает советы, как побольше набрать святочных гостинцев.

– Ну, а колядки вы хоть знаете?, – интересуется он, – а то ведь кроме медного пятака кугуты ничего не дадут.

– Знаем, – хихикает сестренка, – нас мама учила, и заводит тоненьким голоском,

«Щедрык, ведрык, дайте вареник,
Грудочку кашки, кильце ковбаски...
– А вот еще,
« Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям, на здоровье...»

– Добре, – улыбается отец, – с такими колядками, все гостинцы ваши...

Затем мы ужинаем необычайно вкусной колбасой из васьки и ватрушками с творогом, запивая их овсяным киселем..

Через полчаса, тепло одетые, с кутьей в руках и полотняными торбочками через плечо, мы гордо шествуем с сестренкой в сторону хаты нашего второго деда – маминого отца. Они с бабушкой живут на противоположном конце улицы, и там же дом еще одного нашего дяди по линии мамы.

Вообще-то родственников на селе у нас как собак нерезанных: родные и двоюродные деды и бабки, дяди и тети, их дети, крестные отцы и мамы. Есть даже прабабушка Литвиниха, которой под сто лет. А еще соседи. О-го-го! Так, что, развернуться есть где.

Для начала мы заходим в дом дяди. Это тактический ход. Там живут два наших брата – моих одногодков. Юрец и Сашка. Нужно сбить компанию, чтоб пацаны с «нижних» улиц не накостыляли. Не знаю почему, но мы постоянно деремся, хотя и ходим в одну и ту же школу.

Юрка и Сашка уже наготове. В одежках, с узелками и торбочками.

Как только сестренка с порога затягивает колядку, они начинают вопить, что нужно спешить, а то другие пацаны соберут все лучшие гостинцы.

Однако, получив по заливкам от тетки, тут же умолкают. Старшие дослушивают «щедровку» до конца, а затем, когда мы «засеваем» пол комнаты горсточкой припасенной в карманах пшеницы, пробуют и хвалят нашу кутью.

После этого, тетка щедрой рукой опускает нам в торбочки первые гостинцы: конфеты, мандарины, орехи и пряники. А еще выделяет по серебряному рублю. Мы в восторге. Братья завистливо косятся на нас, но им дулю с маком – хозяевам не положено.

Затем веселой гурьбой мы вываливаем из дому, заходим во двор к дедушке, стучим в резное окошко и дружно поем колядку.

Через минуту на крыльце загорается свет и нас встречает бабушка. Она целует всех по очереди и ведет в дом.

В жарко натопленной горнице, углубившись в газету, в деревянном кресле перед столом, восседает наш второй дед – Никита. Ростом и статью он еще больше деда Левки, с лихо закрученными усами и густым седым чубом. Он из потомственных козаков, был на двух войнах и георгиевский кавалер. Что такое «кавалер» я не знаю, но мне кажется, что-то почетное. Деда глубоко уважают в селе, на хуторах и часто обращаются за советом. К тому же он местный кузнец, плотник и бондарь.

Стол перед дедушкой уставлен праздничными гостинцами для всех тех, кто зайдет с рождественскими поздравлениями. Для детей – сладости, пахучая антоновка и горка монет, для парубков и дивчат – колбасы, пироги, вяленые лещи и бумажные рубли. Ну, и конечно горилка, с наливками.

Дед глуховат, и специально для него мы еще раз поем щедровку, да так, что в окнах звенят стекла, а во дворе испуганно взлаивает Тобик.

Никита Степанович одобрительно кивает головой, утирает рукой повлажневшие глаза и благосклонно кивает бабушке.

Та крестится на иконы в красном углу и, радостно причитая, пополняет наши торбочки новыми гостинцами, а затем вручает каждому из внучат по полтиннику. Дед же, дав нам знак оставаться на местах, грузно встает с кресла и уходит в боковушку.

Оттуда он появляется со святочной звездой в руках. Она сделана из серебристой фольги и прикреплена к фигурному деревянному жезлу, увитому яркими лентами.

– Гарно спиваетэ онуки, цэ вам, – произносит дедушка и протягивает звезду мне. Раньше он давал этот святочный знак, пользующийся особым расположением у набожных хозяек только парубкам, теперь приберег для нас – знать услужили.

Весело переговариваясь и держа над собой звезду, мы направляемся вдоль заснеженной улицы к хате деда Левки, а затем к другим близким родственникам и скоро едва передвигаемся от обилия покоящихся в торбочках и карманах гостинцев.

Договариваемся оттащить все по домам, а затем двинуть к соседям и на дальние улицы. Тем более, что сестричка устала и ей пора спать.

Дальнейшее путешествие продолжаем вчетвером – к нам пристал соседский Женька. Там и сям по улицам села снуют группы колядующих детей и подростков. Окна всех без исключения хат мерцают теплым светом, да и ночь на диво звездная, с ярко блестящим в небе месяцем.

Мы торопимся, вот-вот по селу пойдут куролесить парубки и дивчата. Некоторые из них уже маячат в темных переулках, у сельсовета и церкви. Оттуда доносятся веселый смех, переборы гармошек и звон бубнов.

В отличии от нас, взрослые кутью не носят. Емкие карманы парубков и рукавички девчат доверху набиты отборным зерном. Посевают в хатах они по настоящему, так что потом хозяйским курам на день хватает. Колядки с щедровками поют тоже здорово – с разными смешными присказками. И подают им радушные хозяева не конфеты и пряники, а кольца домашних колбас, оковалки сала, а то и целую смаженую курицу или утку. Ну и по стопке наливают. Хлопцам горилки, девчатам сладкой наливки или вина.

Попасться такой компании на пути, себе дороже. Парни тут же поймают и, дурачась, заставят бороться и вываляют в снегу, а девчата полезут обниматься и звать в женихи. Хотя не все. Меня, к примеру, хуторская Ленка Панкова, за которой приударяют многие парубки, на прошлых святках не дала им в обиду – отняла, жарко чмокнула в щеку, да еще угостила целой жменей духовитого подсолнуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.